

Евгений НИКОЛАЕНКО

Суды-пересуды

...Однажды утром я появился на лестничной площадке в надежде спокойно перекурить, распланировать текущий день и связанные с ним мирские заботы. Марии Ивановне, по всей вероятности, не спалось. Она намного раньше обычного собралась на "работу". Чопорная старушка уже была элегантно одета, с напудренным носиком, губы были накрашены не яркой, но модной помадой. Необходимо отметить, что в ее внешности угадывались некогда очень красивые черты, несколько подпорченные — нет, скорее подчеркнутые старостью. Она вышла в коридор, забыв ключи, но внезапно налетевший сквозняк захлопнул ее дверь. В растерянности старуха развела руками и толкалась в закрытую квартиру. Я предложил ей свою помощь, сходил за инструментом, которым вскоре открыл нехитрый внутренний замок. В знак благодарности Мария Ивановна провела меня в комнату, предложила чаю, от которого я скромно отказался. Мы перебрались несколькими фразами. Речь ее была содержательной и четкой. В ее интонации, в манерах чувствовалась образованность, плотно сопряженная с грамотностью. Книжки лежали на полках, подтверждали мое предположение, они были написаны на французском языке: Бальзак, Гюго, Вольтер. Это еще раз убедило меня, что я имею дело с непростым человеком, распяло мое любопытство и желание пообщаться с такой таинственной соседкой, окрещенной соседями Графиней.

Старуха поведала мне, что она проработала много лет в одной "конторе" переводчицей с французского и вышла на пенсию. Но так как в той конторе было заведено правило "молчание — золото", она разучилась общаться или судачить со сверстницами ни о чем. Она поведала мне, что единственным мужчиной в ее жизни был ее муж, который трагически погиб много лет назад, а детей Бог не дал. Прямо задать вопрос, что она делает в судах, я не решился и попросил рассказать о каком-то, на ее взгляд, курьезном или занимательном случае, который она могла увидеть в суде, — в надежде разгадать тайну Графини. Старуха смерила меня своим оценивающим взглядом и, найдя во мне достойного собеседника, начала рассказ.

— В 1961 году, незадолго до денежной реформы, меня проводили на пенсию, выплатив мне выходное пособие, премию, отпускные и еще какие-то начисления. Сумма получилась по нашим меркам внушительная, и я решила положить эти деньги на книжку. Да вот беда, сделала это я с опозданием на один день и поэтому потеряла ровно половину своих кровно заработанных денег. А тут прошел слух, что обнаружилась некая банда, которая, пользуясь экономической ситуацией, нажилась на доходах и без того бедных граждан. Вскоре дело о финансовой банде состряпали и поспешили передали в суд. Вот я и пошла посмотреть на тех, кто мои денежки заграбастал. Как это и бывает в таких случаях: "Встать, суд идет". Огласили состав суда, десяток подсудимых, свидетелей.

Мое внимание привлек старик, которому приписывали организацию преступной группы, Исаак Шварц. Старый Шварц, краснодеревщик, жил со своей большой семьей недалеко от нас. В его семействе в основном были мастеровые: портные, сапожники, фотографы и даже один музыкант, только любимая внучка по специальности была банковским работником. Много лет прожил Исаак в этом одесском дворике, переоборудовав старый сарай под мастерскую, в которой проводил все время, кроме субботы, когда посещал синагогу и неистово молился своему Богу Яхве. Книг он не читал, разве что Тору, которую знал на иврите. Во дворе он был авторитетом, мог бесплатно починить поломавшуюся мебель соседям, а заядлые пьяницы получали рубль без отдачи, на похмелье.

В основном за простые работы Исаак, не брался, он ремонтировал старую антикварную мебель, из-под его резца выходили изящные деревянные произведения искусства: трюмо, секретеры, шкафы. Работа его щедро оплачивалась благодарными заказчи-

ками, что создавало некоторую резервную сумму денег, которая и послужила поводом для привлечения к уголовной ответственности. Если бы не реформа, он вообще никогда и не знал бы, что такое уголовный кодекс и финансовые махинации. Но вот здесь бес или внучка Софья попутали, и старый Исаак оказался на скамье подсудимых в роли главаря банды.

Пакет с условиями обмена денег поступил на несколько дней раньше со строгим указанием вскрыть в день обмена. Но если в Одессе могут выдавать ослиную мочу за бензин, а вещь, сделанную на Арнаутской, снабдить лейбой самых знаменитых фирм мира, не составляет труда аккуратно отпарить досрочно сургучовую печать. Это и произошло в областном отделении Государственного банка. Наша Софочка, кроткая, никогда не помышлявшая преступить закон женщина, оказалась случайно соучастницей деяний, предусмотренных уголовным кодексом. Самое обидное, что мало того, что сама влетела, втянула в эту историю своего старого деда. Так как свободных денег она никогда не имела, дед финансировал это мероприятие. Она чем-то напоминала доверчивого Бура-тино из сказки, который верил, что если в лунную ночь закопать золотые монеты, наутро их станет непременно больше вдвое.

В данном случае оно, наверное, так бы и вышло, если бы не недремлющее око державы. На деньги, обменные таким образом, наложили арест, а в одесском дворике, где жил Шварц, появились мужчины в фуражках с красными околышами. Сделали обыск, опись имущества, подлежащего конфискации, а старого Шварца и его внучку Софью поместили в СИЗО. Подобное решение утвердил суд, как меру пресечения — содержание под стражей.

Исаак появился в камере, как будто он снял недорогой отель. Но предусмотрительно надел теплые белье и прихватил пакетик средств от клопов. Как только дверь камеры за его спиной защелкнулась, к нему подошел уголовник по кличке Сима и начал допытывать старика вопросами:

— Дед, а какими судьбами тебя сюда занесли?

— За непослушание родителям, внучек. Если будешь такой любознательный, не доживешь до моего возраста.

— Это почему же? Здоровье у меня отменное.

— Много куришь и говоришь.

— Дед, так у тебя еще и родители есть? — не унимался Сима.

Но в это время на верхних нарах поднялся здоровяк с косым шрамом на щеке.

— Сима, сгинь и предложи старику свое место.

— А где же я буду дохнуть?

— Если будешь себя так вести, постоянным местом для тебя будет куточек у параша, и я лично сделаю из шестерки Симы — петуха.

— Понял. Видать, дедушка важная, раз ты, Князь, за него мазу тянешь.

— Сообразительный, не важная, а авторитет. Придурок лагерный, пошел вон. Ложитесь, дедушка, здесь ваше место будет, пока не распорядится начальство по-иному

— Спасибо, сынок.

Исаак полез в труссы и вытащил небольшой пакетик, протер содержимым нары и улегся спать.

— С понятием дедушка, — сделал заключение Князь, — это только старики знают, как спастись от этих кровососов-вампиров, — и почесал обкусанный клопами живот.

Исаак спал тревожно, во сне работал руками, искал инструменты. Проснувшись, он уселся в углу нар и шептал на непонятном для сокамерников языке молитву. Воцарилась тишина. Заключение слышали, но не понимали ни единого слова. Закончив молитву, Исаак достал сверток, который тщательно подготовил дома, вытащил банку хлеба, разломал ее и извлек полиэтиленовый пакет с чем-то жидким. Налил граммов пятьдесят, выпил, закусил кусочком хлеба и молча передал наверх Князю все содержимое пакета с едой. Тот, в свою очередь, молча передал такую же процедуру и позвал Симу.

— Раздели всем по чуть-чуть, да только тихо, чтобы вертухай не сполошился.

После небольшого перекусона Князь слез с нар и с разрешения Исаака подсел рядом для беседы.

— Дедушка.

— Исаак Израилевич меня зовут.

— По нашей почте передали, что вы уважаемый человек, да я вижу — и место для вас не новое.

— В моей жизни, Князь, все было, да былшем поросло. При товарище Сталине в Воркуте уголек рубил. К сожалению, с кем сидел, их-то уже всех и косточки погнали. Да только трудяга я, краснодеревщик известный, не было нужды сучиться. Мебель классную лагерному начальству мастерил, поэтому выжил и без куска хлеба в самые голодные годы не оставался. Ну а то, что по почте передали, что я авторитет, так оно и есть. Какая разница, что сейчас не уголовный? Авторитет он и есть авторитет, на всю жизнь. У меня к тебе просьба будет, Князь: в женском отделении моя внучка Софья сидит, маляву бы получить от нее, да предупредить девок, чтобы не обижали.

— Все сделаю, дедушка, и Софку вашу никто не обидит.

— Меня-то скоро выпустят, зачем хозяину на меня, старика, дармовые казенные харчи тратить? Я о Софке печусь, добрая она женщина, зона ломает ее.

— Может, все обойдется?

— Может, может, дай-то Бог. Что я о себе да о себе беспокоюсь? Тебе много светит?

— Думаю, червонец, не меньше.

— Может, помощи какая-то нужна?

Князь скептически посмотрел на старика.

— Что я буду забивать вам голову своими проблемами? У вас своего дерьма хватает.

— Да ты не смотри на меня, что я такой дряхлый. Старый Исаак еще может согдиться, ведь я потомственный одессит.

— Сынок у меня в Одессе, пристроить бы его к делу, чтобы не пошел по моим стопам.

Старик на минуту задумался.

— В начальство просунуть его не обещаю, в науку тоже не могу, сам с поганами не ходил и науку не одолевал. А вот к ремеслу его какому-то пристроить могу. Ведь меня многие знают, не откажут.

— Спасибо вам заранее, хорошо бы ему ремесло какое-то иметь. Смотри, и не чалился бы, как я, на нарах всю жизнь. Парень он у меня смывленный, и здоровьем Бог не обидел.

— На том и порешим. Как выйду — разыщу твоего парня, адресок запиши. Ох ты, — спохватился старик, — пора мне и поспать, а то здесь из режима выйду, а это плохо для моего здоровья.

За дверями послышался громкий разговор сменяющегося наряда, звон защелок. Но это Исаака как будто и не касалось, он повернулся на бок и задремал.

Дни в камере пошли своим чередом, следователи особо его не допрашивали, так как дед сам взял на себя организацию. Да и вести дело с дедом было очень сложно, он был немногословен, да еще и глуховат. И следователь при тщательном исследовании его личности понял, что этот "фруктик" ничего лишнего не скажет. Многочисленные родичи Исаака правдами и неправдами приносили внеочередные передачи, с подогревом. Каждый раз старик как ритуал принимал пятьдесят грамм, чем-то закусывал и все остальное отдавал "на хату".

Пришел день, когда его позвали на выход, везти в суд. Конвоир даже не решился командовать по уставу: "Руки за спину". У деда эта привычка была смолodu. Он шел по коридору, не шаркая по-старчески ногами, и с поднятой головой. Только в суде встретился с Софой и успел перебраться с ней несколькими словами.

— Как ты, Софочка, себя чувствуешь, не обижает никто тебя в камере?

— Спасибо, дедушка, твоими стараниями, все в порядке, и весточку передали.

— Ты держись, Софочка, все будет в порядке, я кое-что предпринял накануне. Постарайся поменьше говорить.

У Софки навернулись слезы на глаза: — Тебя, дедушка, жалко, ты такой бледный стал, зачем я втянула тебя в эту историю?

В зал вошел состав суда: "Встать суд идет". Первое слово предоставили государственному обвинителю, советнику юстиции второго ранга Таранову В.Т. В течение двух часов прокурор упражнялся в доказательствах, на его взгляд, стройно составленной версии преступления. Исаак внимательно рассматривал портреты вождей, висевшие на стенах, как будто видел их впервые. Когда прокурор вынес вердикт, срок в двадцать пять лет, он как будто и не придавал этому значения. В это время он рассматривал портрет Железного Феликса, который висел над головой председателя суда.

— Подсудимый Шварц, встаньте, вы слышали заключение прокурора? Что можете сказать в свое оправдание?

Исаак повертел головой, двинул плечами и посмотрел на внучку, которая была вся в слезах. Мол, что от меня хотят? Судья обратилась к внучке: — Растолкуйте ему.

— Дедушка, — прокричала, рыдая, Софа, — прокурор просит вам двадцать пять лет!

— Спасибо, — и сделал поклон.

Судья решила, что глухой дед не понимает, о чем идет речь, и обратилась повторно.

— За, что спасибо? Дед задумался, с интересом разглядывая портреты.

— О чем вы думаете? — выходя из себя, прокричала судья.

— Дедушка, о чем ты думаешь? — переводила Софа.

— Софочка, мне сегодня девяносто один, а сколько будет тогда?

Софа, не понимая, что происходит с дедом, начала подсчет в уме. Наконец выдала:

— Сто шестнадцать.

— Вот видишь, как здорово получается.

— Подсудимый Шварц, вы считаете себя виновным?

— Частично.

— А с чем не согласны?

— Во-первых, сведения об обмене получил от моего знакомого — фамилию забыл, — а прокурор зачитал, что сведения я получил от своей внучки. А вот сегодня я вспомнил его фамилию: Александров Анатолий Иванович. Работал он, значит, по финансовой части. Я старик и в должностях не разбираюсь.

— Но вот ваша внучка подтвердила письменно, что она дала вам сведения.

— Какие? Письменные, что ли? Так покажите мне их. Она с детства страдала памятью, особенно если расстроится, и справки дома на этот счет у меня имеются.

Исаак тайно уже успел обменяться сведениями со своим старым знакомым адвокатом Ефимом Виноградовым, который и сообщил ему, что недавно скорострительно скончался управляющий казначейством Александров, через которого и пристраивал когда-то внучку в банк. Следствие впопыхах пропустило немаловажный факт, что точно такой же пакет поступил и в казначейство, а теперь Александров мертв. Следственный эксперимент не произволился. И самое главное, весточка о беде дошла до его давнего заказчика и влиятельного человека в Москву. Уголовное дело рассыпалось на корню.

Судья объявила перерыв. В совещательной комнате она передала дело на исследование. Но вновь открывшиеся обстоятельства подвигали ее к решению, что всем надо изменить меру пресечения и оставить на подписке о невыезде до окончательного решения суда. Прокурор, хлыщ с подстриженными усиками, решил сделать последнюю попытку и подействовать на старика угрозами. Он вызвал Шварца в отдельную комнату и заявил:

— Если ты, старый осел, сейчас не прекратишь ломать комедию, я упрячу тебя вместе с внучкой в такие лагеря, откуда ты никогда не выйдешь.

— Осел не я, а ты. Я никогда не давал тебе показаний против моей внучки. Меня в свои годы страшил сам Лев Давыдович, и я выстоял.

— Кто такой Лев Давыдович?

— Да, я вижу, ты совсем дремучий мент, историю не учи.

— Ты же притворялся глухим маразматиком, а такие коники выкидываешь.

— Так ведь я только оглох, но не охерел, чтобы собственную внучку в зону загонять.

Шли бурные дебаты. Прокурор настаивал на больших сроках с отсидкой, как требовало его начальство. "Киватели" соглашались со всеми, только адвокат свою работу проделал до того и хитро посматривал, сидя в углу.

Судья подвела итог:

— Отработано дело прескверно, следователь даже не удосужился выяснить как следует личность подсудимого. Вновь открывшиеся обстоятельства, что источником могли быть сведения, полученные из казначейства, совсем опровергают нашу версию. И хуже всего, что выяснить этот вопрос сегодня не у кого, управляющий казначейством Александров два дня тому умер.

Прокурор не унимался:

— Не хотите ли освободить всех в зале суда?

— Я как раз и намерена это сделать, и причин для этого предостаточно. Во-первых, организация — сомнительный старик, его внучка доступа к документам не могла иметь, так как она не управляющий банком и даже не член правления. Я даже не могу понять, кому в голову пришла такая шальная мысль. Полгорода предположили, что так будет происходить обмен и пользовались слухами, так что же, прикажете мне посадить полмиллиона населения Одессы?

Прокурор настаивал на своем.

— Хватит, — сказала судья решительно. — Суд переносится на другое время. Деда с внучкой освободить в зале суда. Так как я не могу вынести оправдательный приговор для них, внучка получит год условно, это не реальная мера наказания. Деду год исправительных работ по месту работы с удержанием десяти процентов в пользу государства. Остальных пока в СИЗО, ищите доказательства вины.

Кто-то возразил: "Так дед не работает".

— Что значит, не работает? Он краснодеревщик и заслуженный народный умулец. Не валите на меня все, думайте, как расхлебывать будем, — покачала головой и добавила: — Ну и дедушка, а говорили: маразматик.

Прокурор спросил:

— Как быть с конфискованным майном и деньгами?

— Много майна накопили?

— Да нет.

— И инструменты деду верните, они не подлежат конфискации, и, по всей вероятности, в скором времени кому-то из начальства придется делать мебель. Что касается денег, что упало — то пропало, в доход государству.

Старуха закончила свой рассказ, пригубила уже совсем остывший чай и спросила меня:

— А что вы можете сказать о суде людском и божьем?

— Не знаю, я как-то не задумывался над такими проблемами.

— И все же, — не отступала она.

— На мой взгляд, это совершенно разные категории. Я не имею в виду "не судите, да не судимы будете" — это предостережение. Суд как институт власти, человеческий, реальный — и нравственный суд Божий, духовный. Два этих понятия существуют совершенно в разных плоскостях, которые никогда не пересекаются.

— Из вашего заключения можно понять, что суд, как вы изволили заметить, "как институт власти", может быть безнравственным?

— Я имел в виду, что мы люди, и это один из наших грехов. Вы, Мария Ивановна, по всей вероятности, долго размышляли над этим философским вопросом, дайте и мне задуматься. Вы лучше расскажите мне, чем закончилась эта история.

— Я уже вам говорила: в судах "хепи энда" не бывает. И все же Бог распорядился по-своему Исааку вместо года принудительных работ в награду за трудолюбие и усердие в молитве послал еще десять лет жизни. Он умер у себя в сарае — мастерской, сидя на табуретке. Посмертных записок не оставил, завещаний тоже, только рука успела дотянуться до таинственного сучка на его верстаке, деревянный блок раскрылся на две половины, и из него вывалилось несколько пачек сторбулевых купюр, затянутых резинкой. Этого вполне хватило, что бы Софа достойно похоронила любимого деда, который до конца дней был очень добр к ней. Она соорудила ему надгробную плиту с мудрой надписью на иврите, с завидными двумя датами, длиною больше чем в сто лет.